

ГЕОРГИЕВСКИЙ ЛИСТОК

ВВЕДЕНИЕ В БОГООБЩЕНИЕ

4 декабря Православная Церковь совершает празднование Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Введение во храм является наиболее поздним двенадцатым праздником. Этот праздник основывается на событиях, описанных в апокрифических евангелиях (книгах, не признанных Церковью богодухновенными и не вошедших в библейский канон). Согласно этим источникам, родители Богородицы, святые Иоаким и Анна, чтобы отдать свое Дитя на служение Богу, привели юную Марию в Иерусалимский храм, где Ее встретил первосвященник Захария. Согласно «Евангелию Псевдо-Матфея», маленькая Девочка сама поднялась по большим ступеням, и первосвященник ввел Ее во Свята

Святых храма, куда из всех людей только раз в году входил первосвященник с очистительной жертвенной кровью. Согласно преданию, в храме Мария находилась до двенадцати лет, когда в мужья Марии был выбран вдовец Иосиф.

В Церкви есть праздники, сила которых заключается не в историческом событии, но которые, подобно иконам, повествуют нам о каком-то внутреннем событии, даже если историческая их обстановка не ясна. Таков и праздник Введения. Чтобы исторически в древнем, фанатично настроенном, Иерусалиме действительно случилось то событие, которое описывается в апокрифах, — едва ли возможно; но оно сообщает нам что-то более значительное, более важное о Божией Матери, нежели физическое Ее вступление во Свята Святых, которое было запрещено и первосвященнику. Здесь раскрыто что-то, о чем иначе, в простых человеческих словах, может быть, и не скажешь, то, что прямо, непосредственно относится и к нашей жизни.

Вот был этот благолепный, тяжелый храм — слава Иерусалима. И веками люди верили, что только в нем, за тяжелыми стенами может человек соприкоснуться с Богом. Но священник взял Марию и ввел ее в самое священное место, и мы и сейчас поем: «пречистый Храм Спасов вводится в храм Господень». А затем, спустя десятилетия Христос сказал: «Разружьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его». Евангелист прибавляет: «А Он говорил о храме тела Своего».

Смысл всех этих событий, всех этих слов, всех этих воспоминаний прост: отныне храмом становится человек, отныне не камни и не алтари, а человек — его душа, его тело и вся его жизнь — вот священный и божественный центр мира, вот его «святое святых». Один храм — живой и человеческий — входит в другой, каменный, материальный, и изнутри завершает его смысл и назначение.

Перемещается центр религии, более того — перемещается центр тяжести жизни. В мир входит учение, не ставящее ничего выше человека, ибо Сам Бог принимает человеческий образ, чтобы явить, что назначение человека, призвание его — божественное. С этого момента начинается свобода человека. Нет ничего над ним, ибо сам мир для него — дар Божий, данный ему для исполнения божественной судьбы своей.

С тех пор, как вошла Дева Мария в «Святое Святых», сама жизнь стала храмом. И когда празднуем мы праздник Введения во храм, мы празднуем этот божественный смысл человека, высоту и свет его призвания. Их не стереть, не выкорчевать из человеческой памяти.

Сущность церковных праздников состоит в прорыве, подъеме — в иную реальность, в мир духовной красоты и света — из мира пустоты и одиночества. В мире страшно и трудно жить. И потому так много людей ищут только того, как бы уйти от этой лжи, от этой безрадостной жизни, и погружаются — кто в беспробудное пьянство, кто — в попытки выцарапать хоть долю самого простого, животного счастья, кто — в беспредметные мечтания. Но все это всегда, рано или поздно, оказывается тупиком, и только еще более страшным становится пробуждение и возврат к постылой лямке. Не случайно, какую бы область жизни мы ни взяли, каждая в наши дни стала «проблемой». Проблема общества. Проблема труда. Проблема пола. Проблема женщины. Проблема счастья... И стало все это проблемой потому, что, с одной стороны, готовые ответы и предписания, даваемые «миром сим» являются лживыми и пустыми, и потому, с другой стороны, что иных ответов нет, и мы так часто не знаем — где и как их искать. И воцаряются в нашем сознании пустота и цинизм, и вот их-то и хотим мы заглушить, от них бежать.

И христианство призвано не отвечать на эти «проблемы», а их снимать. В христианстве человек просвещается божественной жизнью, в которой нет «проблем». Многие в наши дни начинают смутно сознавать, что подлинные ответы невозможны, если не прорвется человек к высшему и вечному, не обретет веры, не войдет в глубину богообщения, в Святая Святых, которую мы вспоминаем в празднике Введения. Пусть же и мы услышим слова, приписываемые в богослужебной книге Иоакиму и Анне, обращенные к Деве Марии: «Чадо, иди! И будь Тому, Который все тебе дал, возношением и сладким благоуханием! Вступи в ту область, куда нет двери; научись тайнам и готовься стать местом вселения Самого Бога...»

Иерей Павел Коновалов

ЧТО ДЕЛАЕТ НАС ЦЕРКОВЬЮ?

Христианство принципиально отлично от других религий, поскольку основатели последних провозглашали, что подчиняются Богу и только через Него имеют косвенную, опосредованную связь со своими последователями. Христос же, будучи Сам Богом, после Своего вознесения не оставил христианство самому себе, но поставил Сам Себя в теснейшее единение к принесенной Им религии. Это теснейшее единение с Самим Богом мы можем испытать только лишь в Церкви.

Раскрывая характер этой особой связи, св. апостол Павел называет Церковь мистическим Телом Христовым. В своих посланиях он соединяет термин Церковь именно с собранием верных для совершения Божественной Евхаристии. Он говорит: «Когда Вы собираетесь в Церковь», подразумевая продолжение фразы: «Для совершения Божественной Евхаристии». Эту логическую связь Церкви и Евхаристии мы можем увидеть и у святых отцов.

Таким образом, именно Евхаристия выражает и открывает, и осуществляет в истории саму Церковь, но Церковь не просто как она есть, а главным образом какой она будет, когда придет Царство Божие. Евхаристия есть образ Царства Божьего, прообраз кончины века, когда произойдет единение верных людей со своим Создателем. Церковь есть образ будущего, она выступает из настоящего мира и истории и живет там, где время заканчивается, живет в Царстве (о чем говорит и начальный возглас Литургии: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков»).

Как Пасха, формально составляя двенадцать главных христианских праздников, не является просто праздником, а событие Пасхи, Воскресения является сердцевинной всей христианской веры, ее основанием и чаянием, так и Евхаристия есть само Таинство Церкви, акт, который всегда делает Церковь тем, что она есть, — Народом Божиим, Храмом Духа Святого, Телом Христовым, даром и явлением новой жизни нового века. В «озападенном» богословии Евхаристия трактуется просто как одно из таинств. Она — лишь «средство подачи благодати» — одного из многих. Какой бы центральной и главной в жизни Церкви она ни была, Евхаристия отлична от Церкви. Возможной делает Евхаристию особая сила — благодать, данная Церкви, но эта благодатная сила «предваряет» Евхаристию. Для схоластического богословия цель и назначение таинств составляет не исполнение или созидание Церкви, но только лишь удовлетворение нужд индивида.

Хотя катехизическое учение о Церкви как «от Бога установленном обществе людей» никогда не отвергалось, Церковь-общество попросту не обнаруживает себя. Переживание богослужения давным-давно уже перестало быть переживанием соборного акта. Теперь это — акт индивидуальный, собрание индивидов, приходящих в храм и присутствующих за богослужением для того, чтобы в индивидуальном порядке удовлетворить свои индивидуальные духовные нужды, а не для исполнения и составления Церкви. И самое красноречивое подтверждение тому — полный распад Причащения как соборного акта. Если древняя Церковь видела свое реальное исполнение как общение в едином Теле, то сегодня мы усматриваем в Причащении самый индивидуальный и приватный из всех рели-

гиозных актов, всецело зависящий от личного желания, благочестия и подготовки. Тогда как на самом деле Евхаристия содействует нас организмом, преобразует нас в Тело Христово, являет нас как новое бытие. Евхаристия существует, чтобы являть — «в мире сем» — мир грядущий, царство Божие, открывшееся во Христе. Евхаристия есть тот самый акт перехода, в котором Церковь исполняет себя как богочеловеческий организм, потому что именно в ней люди, соединяясь друг с другом, соединяются со своим Главой — Господом. В Евхаристии Церковь перестает быть просто организацией и становится Телом Христовым. И не Церковь существует для богослужения (или «порождает» его), но Евхаристия в самом реальном смысле «порождает» Церковь, делает ее тем, что она есть.

Школьное богословие не замечает живой связи Евхаристии с другими таинствами, которые рассматриваются только как отдельные «средства подачи благодати» отдельным христианам для их «духовных нужд». Тогда как все таинства не только взаимосвязаны, но и непременно соотносятся с Евхаристией, и с самим бытием Церкви. Все таинства, кроме Евхаристии, обращены к отдельным членам Церкви и цель их — включить человека — его жизнь — в бытие, в созидание Церкви. Но Церковь исполняется в Евхаристии, и потому именно в Евхаристии каждое таинство обретает свою естественную законченность, свое исполнение. Так, Крещение — это возможность стать членом Церкви, участвовать в Евхаристии. Миропомазание — дарование благодати Св. Духа для деятельного участия каждого члена Церкви в ее бытии. Исповедь — второе крещение, примирение с Церковью, принятие отпавших от Церкви через свои грехи обратно в ее лоно и возможность вновь участвовать в Евхаристии (а не просто власть разрешать грехи). Рукоположение — поставление священников для совершения церковных таинств, главным образом Евхаристии. Соборование — молитва Церкви о продлении жизни члена Церкви. Таинство брака (не имевшее поначалу даже своего особого «чина» и совершавшееся через участие брачующихся в Евхаристии) — переход, преобразование «натурального» брака в церковное измерение единения Христа и Церкви (а не просто христианская «санкция» супружеских отношений).

Таким образом, в древности христианин, не участвовавший без причины в евхаристическом собрании, отлучался от Церкви, как сам себя отсекший от органического единства Тела Христова, являемого в Литургии. Повторяю, Евхаристия не есть «одно из таинств», одно из богослужений, а явление и исполнение Церкви во всей его силе и святости и полноте, и, только участвуя в ней, мы можем возрасть в святости и исполнить все то, что заповедано нам... Собранная в Евхаристии Церковь, даже если она ограничена «двумя или тремя», есть образ и осуществление Тела Христова, и только потому собранные смогут причаститься, т. е. быть общниками Тела и Крови Христовых, что они являют Его своим собранием. Никто и никогда не мог бы приобщиться, никто и никогда не был достоин и «достаточно» свят для этого, если бы не было это дано и заповедано в Церкви, в собрании, в том таинственном единстве, в котором мы, составляя Тело Христово, можем неосужденно Бога назвать Отцом и быть участником и причастником Божественной Жизни...

Само греческое слово, обозначающее службу Евхаристии, «Литургия» не имело первоначально никакого отношения к культу и означало общественную обязанность или служение в интересах и для блага общества (было много литургий, т.е. служений — врачей, учителей, военных и т.д.). То обстоятельство, что Церковь в конце концов применила его к своему культу и преимущественно к Евхаристии, указывает на ее особое, в полном смысле слова «революционное» осмысление богослужения. Т.е. именно Евхаристию древние христиане называли «своим» служением на благо общества. Богослужение или культ в христианстве не являются самоцелью, потому что Древний мир знал великое множество культовых религий, или «культов», единственным реальным содержанием или самоцелью которых были богослужebные, или культовые действия. Христианский же культ направлен к целям, стоящим за пределами культа как такового, а именно — к превращению ветхого человека в нового, ветхого мира — в Царство Божие.

Литургия есть «таинство собрания». Христос пришел, «чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино» (Ин. 11,52), и Евхаристия с самого начала была явлением и осуществлением единства нового народа Божия, собранного Христом и во Христе. Надо твердо знать и помнить: в храм мы идем не для индивидуальной молитвы, мы идем собраться в Церковь, и сам видимый храм есть только образ того нерукотворного храма, который он знаменует. Поэтому «собрание в Церковь» есть действительно первое литургическое действие, основание всей Литургии, и, не поняв этого, нельзя понять и всего дальнейшего тайнодействия. И когда я говорю: «Я иду в Церковь», — это значит, я иду в собрание верующих, чтобы с ними вместе составить Церковь, чтобы быть тем, чем я стал в день крещения, т.е. членом — в полном и абсолютном смысле этого слова, членом Тела Христа: «Вы, — говорит Апостол, — Тело Христово, а порознь члены» (1 Кор. 12,27). Я иду явить и осуществить свое членство, явить и засвидетельствовать перед Богом и миром тайну Царства Божия, уже «пришедшего в силу». Оно пришло и приходит в силу — в Церкви. Вот тайна Церкви, тайна Тела Христова: «Где два или три собраны во Имя Мое, там Я посреди их». И чудо церковного собрания в том, что оно не «сумма» грешных и недостойных людей, составляющих его, а Тело Христово. Как часто мы говорим, что мы идем в Церковь, чтобы от нее получить помощь, благодатную силу, утешение. Но мы забываем, что мы и есть Церковь, что мы ее составляем, что Христос пребывает в своих членах и что Церковь не вне нас, не над нами, а мы во Христе и Христос в нас. И не в том христианство, что оно каждому дает возможность «личного совершенствования», а в том, прежде всего, что христианам дано и заповедано быть Церковью — «народом святым, царским священством, родом избранным» (1 Петр. 2,9), являть и исповедовать присутствие Христа и Его Царства в мире.

Иерей Павел Коновалов

ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ВОСПИТЫВАЕМ ДЕТЕЙ?

Часто при воспитании детей, своих или чужих, мы привыкаем мыслить сверху вниз, видеть только свои побуждения по отношению к детям. Мы в основном оцениваем себя через отношения со своими сверстниками. Если у нас сложились душевные отношения с друзьями, мы неплохие супруги, отзывчивые прихожане, то чувства наших детей могут быть вне нашего внимания, как нечто несущественное, недостойное нашего особого рассмотрения.

Трагедия человеческих отношений в том, что при всей своей любви, младший не может доверительно говорить со старшим, пока тот сам этого не захочет. Только тогда, когда старший сможет смирить себя до уровня младшего, возможен искренний доверительный диалог. Но мы, старшие, протаптываем по жизни свою тропу, свою колею и в этой колее находимся как в броне. Нам кажется, что мы так хорошо и так правильно формируем мир вокруг себя, так жертвенно и искренне любим, что какие могут быть недоумения или претензии к нам со стороны наших детей?!

Мы живем с ребенком, но и он живет с нами, мы смотрим на ребенка, но и он на нас смотрит, мы оцениваем ребенка, но и он дает оценку нашим словам и поступкам. Вот только для нас это естественно — направлять и исправлять его, а ему? А ему — нет. В то время, когда мы просто живем, ребенок напряженно пытается найти лазейку к нашей душе и к нашему сердцу, он сознательно и подсознательно ищет возможности высказать накопившееся — о нас. Но мы всегда к этому не готовы и поэтому всегда этого боимся. Мы выстраиваем стену. С их стороны — мы неприкосновенны.

Мы апеллируем к Евангелию. Но все Евангелие говорит нам о том, как Сам Господь умягчается до нашего уровня, уровня Своего творения и допускает человеку высказаться напрямую по отношению к Нему, высказаться откровенно, вплоть до поругания, биения и распятия. Христос, ведая все помышления человеческие, не гнушается спрашивать учеников Своих, тогда еще немощных и слабых, что они о Нем (о Господе!) думают: «А вы за кого почитаете Меня?» (Мф. 16,15) Мудрый Учитель дает возможность говорить откровенно с Ним о Нем Самом, чтобы для них самих раскрылись сердца их; выяснились их сомнения и недоумения, чтобы они через проговаривание своих мыслей определились по отношению к Нему.

Но мы полная противоположность: если узнаем, что дети недовольны нами, исполняем возмущения и негодования. И наоборот: «таем» от счастья, если слышим от них для себя нечто лестное, и не только не запрещаем льстить, но и всем сердцем желаем этого. Безусловно, невероятно трудно смириться с замечанием того, кого мы мним младше, меньше себя, кого, мы думаем, что знаем как «облупленного». Сам Христос столкнулся с этим: «И придя в отечество Свое, учил их синагоге их, так что они изумлялись и говорили: откуда у Него такая премудрость и силы? Не плотников ли Он сын? ... И соблазнялись о Нем» (Мф. 13,54-57). И силу видят и премудрость, но так как думают, что знают Его, не могут принять Его слов.

Но Христос сказал о детях: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих...» (Мф. 15,14). Не презирать, значит относиться с уважением, считаться с его мнением.

Одной православной христианке позвонил по телефону взрослый сын и с таким горячим запалом высказал: «Мама, ты неправильно живешь и, вообще, многое делаешь не так!» Мать была рада услышать голос сына. И так как сама покаянно думала о своих ошибках и о своем несовершенстве, то спокойно и тепло ответила: «Говори — я буду исправляться». На том конце провода наступила продолжительная тишина: на сына произвели слова матери такое благодатное действие, что все его претензии мгновенно улетучились и он, сколько ни напрягался, не смог вспомнить ни одной.

Уготавливаясь услышать о себе некое слово от детей, мы уготавливаем себя услышать правду о себе от Христа. Научаемся быть готовыми сказать: прости. Вот только мы так боимся быть униженными! А Христос не избегает унижения для Себя и, более того, ведая все несовершенство наше, исполненный жертвенной любовью говорит: «...Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему...» (Мф. 12,32). А мы можем так сказать: «Чадо мое, если ты и скажешь что против меня — я прощаю тебя, главное я люблю тебя и молюсь о твоём спасении?» Мы часто так озабочены мнением других людей о себе, что порой выставляем детей как причину своих страданий: вот мы какие несчастные — такой крест несем. Только кто воспитал этих детей именно так — не мы ли? Не мы ли, в своих решениях сообразуясь только со своим мнением часто провоцируем конфликт? Не бывает ли так, что наши личные переживания о детях важнее самих детей? Не забываем ли мы о собственной поленице, увлеченные вытаскиванием сучка из глаза ребенка?

Мы должны помнить, что иерархичность отличается от авторитарности. Иерархичность определяет наше место в вертикали по отношению к Богу. Родители, в этой вертикали, стоят выше детей и служат (или не служат) связью детей с Богом и отвечают за них перед Богом. При беседе с ребенком по закону иерархичности родитель имеет достоинство и преимущество по Богу, но только если все его доводы, замечания, пожелания базируются на Евангельских заповедях, на Божественной любви и на любви его самого к ребенку. Тогда обращения к ребенку будут примерно такие: мне бы хотелось...; не мог ли ты...; хорошо бы было... И затем мы должны внимательно и вдумчиво вслушиваться в ответы и сообразовываться с ними.

Главное, если мы сами услышали ребенка, его переживания, поняли, что во многом мы причина этого и смогли попросить прощение. Если смогли духовно приблизиться друг к другу и к Богу, то тогда спросив: «Чадо! Любишь ли ты меня?», непременно услышим: «Да! Ты знаешь, что я люблю тебя!»

Наталья Шкринда, руководитель приходского семейного клуба

КРУЩИЦЫ МУДРОСТИ.

О РАДОСТИ

• **Р**адость — внешнее проявление любви, действие благодати Святого Духа в сердце человека. Радость и любовь является признаком того, что человек находится на правильном пути в деле спасения. Почти 70 раз в Новом Завете упоминается радость наших первых братьев, ибо, несмотря на их отступления, грехопадения, трудности жизни и гонения, их радость была и их же отличительной особенностью. Каждая Литургия начинается с молитвы «Возрадуется душа моя о Господе...» и заканчивается «...Исполни радости и веселия сердца наша»...

• «**В**ера порождает радость и веселье в сердце верующего. Радость эта не о пище и питии, не о чести, не о богатстве, золоте, серебре, не о прочем, чему сыны века сего радуются, ибо эта радость плотская. Но есть радость духовная, радость о Господе Спасе, о благодати и человеколюбии Его, утешение и спокойствие в совести, как учит апостол: "оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа" (Рим. гл. 5). Ибо святое Евангелие есть радостная весть, и вера есть сердечное принятие Евангелия, поэтому приемлющие его непременно приемлют и духовную радость в сердцах, как написано о страже темничном, упоминаемом в Деяниях апостольских: "и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога" (Деян. 16,34). Потому эта радость во многих местах святого Писания предлагается верным, как сладостная духовная пища, что и в Псалмах, Евангелии и апостольских посланиях заметить можно». (Святитель Тихон Задонский)

• «**С**ила греха не в соблазне очевидного зла, а в скованности души всякой мелочью, страстишками, в невозможности для нее, души, "невозбранно дышать небом...". Но чтобы бороться с этим — недостаточно просто призывать к церковности и молитве. И церковность, может быть, часто бывает мелочной, и молитва — эгоцентрической. Всегда все тот же вопрос: о "сокровище сердца". О том, в чем — радость... Без радости и церковность, и молитва как-то безблагодатны, ибо их сила — в радости. Религия стала синонимом "серьезности", несовместимой с радостью. И потому она так слаба. От нее хотят ответов, мира, смысла, а она только в радости. Это ее ответ, включающий в себя все ответы». (протоиерей Александр Шмеман)

Информационно-просветительское издание прихода вмч. Георгия Победоносца в Купчино «Георгиевский Листок» №3 2014г. Выходит два раза в месяц. Редактор: иерей Павел Коновалов.

Тираж 150 экз. Электронный каталог издания на сайте <http://hram-slava.ru>

Особая благодарность за помощь в издании выражается приходскому семейному клубу.